

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела комплексных
проблем изучения культуры Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Российская Федерация

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,

drevo_rechi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9715-7378

УДК 930.85:82-1(470.620+470.324)“19/20”
ГРНТИ 13.11.28
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005

**«Я уловил мгновенный
привкус правды»:
о поэзии Аркадия Слуцкого**

**“I Caught the Instant Hint of Truth”:
About the Poetry
of Arkady Slutsky**

Цель статьи – осмысление научного мировоззрения и творческого пути Аркадия Иосифовича Слуцкого (1940–2019), ученого, историка книги, поэта и педагога. Методология основана на историко-биографическом подходе. Материалами послужили поэтические сборники и научные статьи А. И. Слуцкого, исследования историков и культурологов, которые помогли раскрыть биографический контекст основных поэтических циклов и жанрово-стилевую палитру лирики А. И. Слуцкого. Творчество поэта рассмотрено в тесной связи с событиями его жизни и с особенностями динамики литературного процесса в российской провинции второй половины XX – начала XXI в. Автор статьи обосновывает свою версию подхода к поэтическому миру Аркадия Слуцкого. Проанализирована выработанная А. И. Слуцким концепция культурных взаимодействий между столицей и провинцией. Сделан вывод о том, что качественную поэзию отличает «мгновенный привкус правды». Эта черта является сущностным свойством поэзии, свойством провиденциальным, а не провинциальным.

Ключевые слова: современный литературный процесс, столица и провинция, литература Кубани, биография, поэтическое творчество, Аркадий Иосифович Слуцкий, история книжного дела Юга России, художественная жизнь Краснодара.

Шесть десятилетий активной творческой жизни — путь немалый, тем более что пройден он на стрежне культурного потока, отнюдь не в тихих заводях. Все знавшие Аркадия Иосифовича Слуцкого засвидетельствуют: поэт шел в ногу со временем, разве что не поторопился воспользоваться правом на авторский сборник. Первая его книга стихов «Пересечения» [10] вышла, когда автору исполнилось 55 лет. В ней есть стихотворение:

*Живу не медленно и не сказать,
что спору —
В шелку, в долгу, бездомно и в дому.
Стараюсь не ввязаться в разговоры.
Ни замыслов, ни планов не пойму.*

*Откуда что и как оно берется?
Как зайчик солнечный, словцо произойдет,
Прозрачным лбом в предмет
и плоть толкнется,
В грамматике пространство обретет...*

*И будет жить, уже не мной ведомо,
По собственным законам бытия...
Не разобрать: всерьез или шутя?
В шелку, в долгу, в дому, помимо дома...*

Это автопортрет в координатах обстоятельств, пространство и время которых не продиктованы извне. «Бездомно и в дому», «не медленно и не сказать чтоб спору»... Так жил, так беседовал с музой и с современниками этот обаятельный и цельный человек, в судьбе которого соединилось не просто многое — пожалуй, самое главное, что происходило с соотечественниками и страной на протяжении трех четвертей века.

Аркадий Слуцкий родился 11 октября 1940 г. Город его детства — Киев. Учился он в мужской школе № 25 и параллельно освоению рабочей специальности занимался литературой в студии при журнале «Молодь».

В 1962 г. сбылась его мечта поступить в вуз. Филфак Воронежского университета стал первым пунктом нестандартно складывавшейся судьбы. Начало учебы пришлось на разгар «борьбы с „формализмом“». Юношу разобрали по комсомольской линии за его оригинальные, отнюдь не барабанные стихи, и «вычистили» с курса. Пришлось возвращаться в Киев, снова работать слесарем-сборщиком на военном за-

воде. Однако зигзаг судьбы сделал потерю обретением. Вернуться и закончить учебу заочно (диплом защитил в 1968 г.) удалось благодаря заступничеству Натальи Евгеньевны Штемпель. Под кровом ее дома семья несправедливо обиженного поэта (Аркадий и его жена Римма) нашла поддержку. Тогда, в 1965 г., Слуцкий впервые увидел записи «Воронежской тетради» и других стихов Осипа Эмильевича Мандельштама, созданных в 1832–1934 гг. Три толстых голубых блокнота, на первом из которых рукою Надежды Яковлевны написано «Наташина книга», были главной реликвией, оставшейся от времен воронежской ссылки поэта. Наталья Евгеньевна Штемпель, рискуя многим, сберегла во время войны и сохранила ценнейший архив писем и документов.

У Аркадия Иосифовича есть стихи, посвященные Наталье Евгеньевне, и автобиографический очерк, где Слуцкий рассказывает: «Последний раз мы виделись с Натальей Евгеньевной летом 1968 года на платформе воронежского вокзала. Я уезжал из Воронежа в Краснодар на красно-синем экспрессе „Кубань“, а провожали меня Наталья Евгеньевна и Александр Иосифович Немировский. Говорили какие-то теплые слова, по праву возраста в чем-то убеждали и наставляли. Меня много лет мучил и мучает вопрос: почему Наталья Евгеньевна отнеслась ко мне так хорошо? Человек, близко знавший О. Мандельштама, друживший с ним, отличавшийся безупречным поэтическим вкусом, встречавшийся с А. А. Ахматовой... Почему?..» [14].

Наталья Евгеньевна умерла в 1988 г. А стихи — дань благодарной памяти длиной в 45 лет — возникли в 2001-м. Этот диптих в сборнике «Пока я странник» [11, с. 8–9] начинается строкой стихотворения «Есть женщины, сырой земле родные» (1937), которое Осип Эмильевич адресовал Наталье Евгеньевне и просил после смерти считать его завещанием.

И расставаться с ними непосильно.

*О. Мандельштам
Я часто вспоминаю этот дом,
Я забываю этот дом с трудом —
Страннопримный дом моих стихов
и странствий, —*

Мне хочется с хозяйкой поболтать,
Прочесть стихи, но лучше помолчать.
Ведь за окном октябрь,
и скоро быть ненастью.

Как нас меняет этот долгий мир,
Как вечность медленна,
как быстротечен миг...
Как с каждым днем грустнее наши лета.
Но наступает ненароком час
Любви и верности... Тогда спасает нас
До боли памятный зеленый томик Фета.

* * *

Я читал Мандельштама. Но падал
на решку пятак –
Бирюзовый учитель, сверчок,
попрыгунчик, дурак.
По чужим общежитьям.
На старых и рваных матрацах
Я зачем-то учил свою душу
летать и смеяться.

Я читал Мандельштама.
И пил за Воронеж вино.
Проворонишь сегодня — а завтра
вернуть не дано.
Ни Армения охрой, ни привкус,
ни злой шепоток
Предварительных камер,
ни синего неба глоток

Не спасут от матрацев, от запахов,
от кутерьмы –
От опальной и южной, сырой,
тонкогубой зимы.
Что сплошной Петербург от некрополя
и до Невы? –
Ни словца в кулачок, ни хулы, ни любви,
ни молвы –

Там сквозняк переводов, озноб
ненаписанных строк —
Там сверчок ненароком — а может быть,
просто урок.
Повторенье азов, понизовье
азовских станиц –
Там кочевья поэтов, зимовье
встревоженных птиц.

Я сюда не хотел. Ни строкою,
ни временем вспять –
Возвращают из ссылок,
чтоб снова однажды сослать.
Он туда не хотел. Там не пахнет
жильем и жилым —
Мимо времени вспять. Только
как возвратиться живым?

Молодым участникам художественного процесса шестидесятых еще, как главное мерило, была дана возможность таких личных встреч... При вести об уходе Анны Ахматовой Давид Самойлов с горечью обронил «...Нету их и все разрешено!» — в предчувствии того, что, потеряв соразмерность классике, литературный процесс окажется игрушкой случайных поветрий:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса

[3, с. 64].

В шестидесятые — семидесятые — восьмидесятые именно так и случилось под жестким напором факторов, навязывавших извне правила игры. Критики твердили, что смена стилевых «волн» придает динамику, «энергию творческих противоречий», а вне принадлежности к течениям и группам творческая индивидуальность «легко лишается своего особого места в литературном процессе», идейно и эстетически «обобществляется и усредняется» [15, с. 151].

Почему с конкретно взятым поэтом Аркадием Слуцким никакой «утраты места» не произошло? Как возникла справедливо отмеченная в предисловии к сборнику «Пересечения» (1995) Юрием Гречко свобода передвижения в океане поэзии, откровенную и естественную принадлежность водам которого выдает выпуклость горизонта в строфе, строке?

Поэзия обретает артистизм вместе со стремлением мыслить и говорить на языке великих предшественников.

Не это ли кристаллизовало изнутри самобытную поэтическую личность, позволяло сопротивляться внешнему напору? Подобный вопрос поставили авторы статей «Поэт иных оснований» и «Мир в кристалле провинциального времени», напечатанных в сборнике

«Среди текстов» [12], которым Краснодарский государственный университет культуры и искусств (КГУКИ) ознаменовал 65-летие Аркадия Иосифовича.

Помещенная в сборнике библиография публикаций Аркадия Иосифовича Слуцкого за 40 лет (1966–2006) поражала обилием статей, заметок и эссе о собратьях по поэтическому ремеслу (В. М. Поляков, И. А. Зубенко, В. И. Дмитриева, Б. Н. Бойчук, В. М. Жилин, Ю. С. Гречко и др.) и о друзьях-художниках (В. А. Пташинский, А. Е. и В. А. Глуховцевы, М. М. Горлов, Е. Е. Казицын, М. В. Архангельский, Л. И. и О. М. и Ковтун, А. П. Карнаев, В. В. Каменев, С. Н. Демкина, П. В. Мартыненко, В. М. Мигачев и др.). Коллеги по научной и педагогической деятельности с искренним уважением к таланту и глубоким знаниям А. И. Слуцкого рассказывали о гранях одаренности человека, который посвятил университету более трех десятилетий своей жизни. Подчеркивали, что культурное сообщество Кубани [2] обрело в его лице одного из самых ярких и деятельных представителей, замечательного ученого-социолога и историка культуры, книговеда, популяризатора искусств. Названия статей красноречиво говорили об этом: «Слуцкий на телевидении», «А. И. Слуцкий — историк книжного дела Кубани», «„Дорогу дарующий“: Аркадий Иосифович Слуцкий — источниковед».

Пожалуй, и в нашей статье уместно вкратце напомнить об основных моментах его биографии и о его послужном списке.

Переехав в Краснодар в 1968 г., Аркадий Иосифович сначала сотрудничал с Краснодарской краевой библиотекой им. А. С. Пушкина (до 1970), потом работал в Кубанском госуниверситете (1970–1978) социологом и, по окончании библиотечного факультета Краснодарского государственного института культуры в 1975 г., главным библиографом. С 1978 г. был тесно связан с Краснодарским государственным институтом культуры, где заведовал кафедрой общего библиографоведения и книговедения, был начальником отдела комплексных исследований книжного дела Северного Кавказа.

Качества высококлассного специалиста намного опережали его статусные показатели: защита кандидатской диссертации (2000),

членство в Союзе российских писателей (2004), профессорская должность, почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Адыгея» — все это просто пополнило строчки «Личного листка по учету кадров».

В 2012 г. А. И. Слуцкий вошел в коллектив Южного филиала Российского института культурологии (ныне Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева), ассоциированным сотрудником которого оставался до последних дней. Его жизнь оборвалась 27 декабря 2019 г. Похоронен Аркадий Иосифович в Атланте (США), куда переехал к семье своей дочери в 2015 г.

К опубликованным в нашем журнале «Наследие веков» работам А. И. Слуцкого [4; 5] ныне прибавится еще одна — мемуары о заслуженном художнике РФ Владимире Александровиче Глуховцеве, соратнике по культурным начинаниям, по любви к книге и одном из самых близких друзей Слуцкого.

Аркадий Иосифович за свою жизнь написал более двух сотен работ по социологии культуры и истории книжного дела Юга России, был бессменным редактором-составителем серии сборников научных статей «Книжное дело на Северном Кавказе» — долгосрочного исследовательского проекта Краснодарского института культуры, который с 2009 г. осуществляется под эгидой Донской государственной публичной библиотеки (Ростов-на-Дону).

И все же стихотворство — дело особое. К моменту напечатания книги «Среди текстов» (2006) на счету у Аркадия Слуцкого было три книги лирики («Пересечения», «Концептуальные апологии», «Время верлибра»), книга переводов с украинского (Б. Бойчук «Стихотворения избранные и предпоследние»), книги, появившиеся в соавторстве с Ольгой Ковтун («В мастерской Евгения Казицына», 1997 и «Два дискурса времени», 2003) десятки стихотворных подборок в литературных журналах и альманахах, выходивших на Юге и в Центральной России, на Украине. После 2006 г. вышли «Пока я странник» (2008), «Из украинской поэзии XX века: избранные переводы и переложения» (2011), «Две тетради черновиков: стихотворения и переводы» (2012). Это

в совокупности составило по самым строгим меркам солидный поэтический багаж.

Примечательно, что внешний облик сборников Аркадия Слуцкого, как правило, незауряден и тоже работает на раскрытие поэтической идеи. В этом отношении его стихотворные книги сами собой распределились на два противоположных друг другу ряда — черно-белый и цветной; иными словами, на сборники, составленные по принципу антиномических притяжений-отталкиваний, и сборники, в которых никто не дирижирует цветными гранями мира. В цветной ряд встали «Пересечения», «Пока я странник», «Из украинской поэзии...», «Две тетради черновики»; в черно-белый — «Концептуальные апологии», «Время верлибра», «Стихотворения избранные и предпоследние», «Два дискурса времени».

Судите сами.

Идею сборника «Пересечения» (1995) оформлявший его художник Владимир Глуховцев передал, нарисовав на белой обложке неширокую неровную полосу как фон для двух тонких светлых нитей — то ли дождинок, то ли лучиков, пересекающих тучу. На форзаце и титульном листе полосы не было. Был портрет автора. Обычный человек в шапке-ушанке и незамысловатой фуфайке. Но смотрится приподнято — потому что удивленно, пристально и светло смотрит в чистое небо, туда, откуда и дождинок и лучи.

Об оформлении второго сборника — «Концептуальные апологии» — Виктор Чумаченко сказал в рецензии «Поэзия иных оснований» следующее: «на черном пористом фоне ... квадратный луч выхватывает голову человека с закрытыми глазами. Левая рука, подпирая подбородок, закрывает почти пол-лица. Нет, человек (он же — автор) не умер, он то ли задумался, то ли получил сокрушающий удар в челюсть. Что запросто могли убить (душу, талант, поэтическое призвание), говорит колючая проволока, безжалостно прорезающая все четыре страницы обложки. Уж автор-то знает, как может убивать Провинция, которой ты отдал всего себя, не смея ничего требовать в ответ! ... И все же книга не об этом, она о радостях жизни, которые были, есть и еще будут, и обо всем говорится без всякого сожаления, потому что у автора весьма необычная манера

общения со временем. Кажется, он ценит каждое прожитое и прочувствованное мгновение ... сверяется по „часам без циферблата“ ... „бессмертие“ и „мгновение“ оказываются для него единственными формами отсчета времени, середины нет». Оформление книги рецензент назвал важной частью замысла, раскрывающего, что творчество для автора является «способом жизни в мире абсолютной, тотальной несвободы. Эта несвобода имеет имя — Провинция. Она же — и конкретный адрес, где живет автор, и место издания» [12, с. 33–34].

Мне и самой доводилось беседовать с Аркадием Иосифовичем о том, почему на титульном листе «Концептуальных апологий» стоит слово *Провинция*. На кафедре истории русской и зарубежной журналистики КубГУ, где мы оба тогда работали, было что-то вроде презентации сборника. Говорили о поэзии, пили чай, Аркадий Иосифович читал стихи и вместе с новой книжкой стихов подарил собравшимся более раннюю — «Пересечения». Перевернув обложку «Концептуальных апологий» и увидев надпись «Провинция 2000», я спросила: «Что за издательство?» Аркадий Иосифович ответил улыбочиво, как бы мягко извиняясь: «Это не название издательства. *Провинция* мы написали от себя».

От себя. При ненавязчивости подачи тут было вполне четко обозначенное собственное отношение поэта к вопросу о провинциальности / столичности. Творческое кредо, многократно подтвержденное строками посланий к друзьям, — взять хотя бы «записку», адресованную в станицу Тбилисскую художнику А. Соснину («Живем во времени... Внимаем ремеслу / И сути смысла всякого столетия...»).

Оно проявлено и в философских ламентациях:

*Маленький мальчик: ему что ни мир,
то Рим*

*(что циферблат, когда время
уже «ничто»)...*

*Мимо безмолвных, печально
летающих рыб*

*Окна зашторить прозрачной
прохладой штор...*

*Руку протянешь — и тотчас лес рук...
Слово промолвишь — и тотчас вал слов...*

Мертвому времени, что
метроном, звук...
Кто-то целует тебя в ледяной лоб...

Облаком где-то прольется
однажды путь,
Слово ударится в небо и умрет...
Привкус желтого станет
бесцветным вдруг...
«Вдруг...» (это когда уже
не находишь рифм –
Украденных, ассоциативных,
гниющих рифм)...
[9, с. 47]

Отторгая счет на тысячи, «тысячи людей, закомплексованных на страхе одиночества», поэт безусловно верит в покаяние тысяча первого. «Что же ты хочешь, тысяча первый, в своей гордыне? — Хочу всего, Господи». И знает, что в пульсе одного человеческого сердца присутствует биение тысяч сердец.

Виктору Чумаченко «Концептуальные апологии» показали диалогом о жизни / смерти, начатым в 2002 г. как издание тринадцати переводов из поэзии Богдана Бойчука. Можно отчасти согласиться с этим, ведь в авторском предисловии Слуцкий процитировал слова Бойчука о том, что поэзия — путь поэта к себе, то есть путь возвращения. А можно и поспорить, поскольку оттолкнувшись от этой мысли, Слуцкий, уже сам от себя, добавил: путь становится более абсурдным и трагичным, игры, в которые играют люди, — более бесчеловечными, сами люди — более циничными: «С каждым днем мы не приближаемся к дому, а отдаляемся от него. И как в этом грохочущем пространстве понять: какова мера ответственности каждого из нас?» [9, с. 5].

Вообще Аркадий Слуцкий никогда не изменял установке на то, чтобы во всей полноте смыслов и оттенков передать речь, жизненную позицию собеседника. Не случайно его так любили художники — так ценили в качестве эссеиста, составителя текстов к буклетам выставок. Он в высшей степени обладал даром понять, словесно выхватить из плана восприятия то, что кажется стихией не выражимого в речи.

Такие поэты тем уникальны, что не растворены во «множестве других». И толь-

ко им дана магия превращать лирику в эпос. Имея собственную речь, никак не намереваясь скрыть свою жизненную позицию, они кажутся вездесущими протейми, воплощают не материю, а энергию гармоничного сочетания волн. Об этом скажем, когда перейдем к разговору о сборниках цветных.

Сборник «Время верлибра» (2005) мы отнесли к черно-белым. В нем ощутимо эхо «жестких разборок социальных, профессиональных, метафизических», как назвал прения о литературных течениях писатель Виктор Ерофеев. У Богдана Бойчука есть эссе о Слуцком «Слово о поэте», где сказано: «...со временем верлибр в его поэзии становится равноправным, все более взыскательным и прихотливым», при этом Слуцкий «не полагается на абстрактные или образные средства», а «с большим удовольствием использует неожиданную особенность мысли или уникальный поворот фразы... Даже в тех случаях, когда он использует образы (например, «Часы песочные уже который год / текут в тебя»), в них передается концепция» [12, с. 28].

Что в данном случае означает слово *концепция*? На данный вопрос ответил сборник «Время верлибра», по крайней мере, одно из его стихотворений — «Диахронные командировки в Москву». Обратимся к нему, посмотрим, сдвинули ли с места концепцию Слуцкого «метареализм», «концептуализм» и иные всплески нововведений, из-за которых «литература обвалилась», «упал ее престиж и статус писателя... на „жизнь после жизни“ перешли „толстые“ журналы, пресловутый литературный процесс исчез, как не было, сбилась на... бессовестное взаимоопыление критика, исписались прозаики и поэты» [13, с. 193].

В «Диахронных командировках...» [6, с. 18–19] есть фраза «Слишком много трассирующих муз» и текст разрознен на части. Хаотично летят то ироничная стилизация, в которой легко узнать Пригова («Над вехами цезур, цензур и вер / торчал Харон — пригой милицанер»), то террористически разорванные куски слов:

...пойти, что ли, в «Проект ОГИ»,
стихи послушать?
Пурги, тайги, шуги, мги,
ги

пер
(с)
трофированная Европа
пер
форма
(н)
сом
гендерной антропологии...

Вкрапления полужарга намекают на несходство лет ('годов') с единой рекой времен под названием Лета. Хаос заканчивается словом «Отправление...». Но это не конец. В конце автор от себя добавил рифмованную часть диалога:

*Кресты вдоль насыпи, погосты у дорог,
Таков наш Бог. И только осень ропщет,
Сады эдемские — березовые рощи.
В багрянце ямб, заиндевел порог...
Составы тянутся за всяким годом год,
Не то чтоб вспять, скорее, в недолет.
Деревня Биркино (придумать же такое!),
Или разъезд с названьем «Номерное»,
Не считаны, не кляты, не смешны —
Живот намордником жиреет от мошны,
С Лубянской рядом книжные развалы,
Бомжи, мешочники, бичи,*

менты, вокзалы,

*Кресты вдоль насыпи, погосты у дорог...
Октябрь и Пушкин. Вот и весь наш Бог...*

«Волна волну торопит... / Все остальное — / случайные фрагменты...», — это написанное верлибром стихотворение Слуцкий как будто бы оборвал: «Что я могу еще сказать?» Или закончил всем нам известной классической цитатой, которую мы помним со школьных лет и столько раз в жизни произносили от себя.

Вот тут и следует искать концепцию-антитезу ударам «трассирующих муз», единый почерк наиболее гармоничных и точных стихотворных этюдов «Времени верлибра». По крайней мере, из этой книги мы более мудро воспринимаем оксюморон, открывающий «Концептуальные апологии»:

*Живу в традиционном государстве,
Где экономикой управляют
сюрреалисты,
А политики тиражируют искусство...*

*Живу в удивительной стране,
которая могла позволить
себе убеждение,
что красота спасет мир.*

Конечно, несоединимое мчит и гибнет. Неразбериху иллюзорно промелькнувших лет покрывают и уносят воды Леты. Что остается, выражено в сборнике «Пока я странник» (2008) как молитва за друзей.

*В рисунках сердца — тайные желанья
И искушенья долгого пути,
Который предстоит еще пройти,
А всякий путь — уже воспоминанье.
.....*

*Дубрав языческих, вааловых щедрот
Прервется речь на самом первом слоге...
Усталый ворон хлеба принесет
И весть о Боге.*

*И если покаянье — это путь
Молитв и верности, любви и всепрощенья,
То дай нам Бог в минуту возвращенья
Молитвой чью-то душу помянуть*

[11, с. 27].

Это вовсе не черно-белое письмо. И оно возвращает наш взгляд к лейтмотивам сборника «Пересечения», с его трепетными заботами, «Как уместить на одном листке / Жилу живую, чтоб не отворять, / Веру слепую, чтоб не предавать, / Странника странствующего налегке...» [10, с. 6]. Вдобавок к мысли о протезе мы бы подчеркнули именно радужность, нечто высокое, позволяющее делиться светом дня с теми, кому его подчас недостает. Как в стихотворении «Сон памяти», посвященном врачу Александру Паршикову:

*Все чаще в тишине ночной,
Наедине с самим собой,
Неслышно говорю с друзьями.
Я молча спрашиваю их,
Не мертвых, но уже ночных:
— А что же дальше будет с нами?
.....*

*И в темноте, и в немоте
Я разливаю по стаканам:
Кто безусловно жив — за тех,
Еще за тех, кого не стало,
Мы пьем, не отворяя уст,
Все наши тосты — наизусть,
А жесты — как кино немое.*

*Вот-вот я громко закричу,
Я задохнусь, если смолчу,
И все друзья мои со мною [10, с. 44].*

Включенное в сборник «Пересечения» стихотворение «Пока я странник» дало название книге стихов, выпущенной в 2008-м. В послесловии, которое мне довелось написать, я назвала эту согретую теплом сердца книгу опытом сентиментального путешествия.

Среди самых моих любимых в этом сборнике — диптих о большом и маленьком Париже «Памяти Василия Золотаренко».

*Мой город, мой кордон,
он мне давно родня
Опалой южных зим, осенними дождями...
На Графской пьют друзья,
не дождалась меня...
На Длинной банный день...
Чадит октябрь дымами...*

*К базару потянулся говорок...
Скрипят возы, домашний дух витает...
Отец Василий рифмы подбирает...
Сложить бы в строфы
хоть десяток строк.*

*Где тот Париж —
Ему не угодишь.
А вот в Васюринке — племянник,
сват, природа —
Предмет поэзии... И сторожит свободу
В дозоре аист на гнездовьях крыш
[11, с. 34].*

Среди самых масштабных по мысли — воронежский цикл, в котором время отцентровано обращением к «Комедии» Данте и «Евангелию от Иоанна» («Безвременья провинциален вид. / Что Иоанн об этом говорит?»), приближением к мандельштамовской теме: «Воздух как женские губы „О“... «Мимо безмолвных, печально летящих рыб»... «Облако — синему небу боль — / Выстирать, чтобы до черных дыр»... «Ну что актер — птенец, щегол, повеса»...

*Сквозняк оседлости... Воронеж...
нежность... нож...
Рисунок речи... Литографский росчерк,
Зернистый карандаш. И время к ночи...
Где речь, где линия, уже не разберешь.*

*Три дня стояли, словно на подбор,
Мороз казнил верхушки детских легких.
И птицы, не успевшие к отлету,
Как нотный текст, легли на косогор.*

*Грел костерок копальщиков могил.
И кто-то молчаливо водку пил...
В рабочей робе молодой Вергилий
Мостками вывел нас
к заброшенной могиле.*

*Графичен пригород. Зимой графично все.
Времянка у крутого косогора,
Две темные штакетины забора,
Забывший семафор. И смутное родство
с провинцией <без места и названья>,
Земная ось, холмы — воспоминанья,
Тень сумерек, скупая проза лиц,
Обманчивая суета столиц.*

*Графична похвала, когда она без лести,
Легка которая. Она уже легла
Чернеющей проталиной крыла
На мерзлый наст декабрьских известий...*

*Графично время (чей-то силуэт)
На плоскости давно прошедших лет...
[11, с. 29]*

Одна из наиболее точных автохарактеристик Слуцкого-поэта: «Приговорен к неписанным стихам». В неписаной поэзии все темы молчаливо сходятся, как грани души. Сборники «Пока я странник» и «Две тетради черновиков» сильны возвратом к редкому ныне типу книжной образованности, пронизанному линиями единого свечения сути. Автор не зачеркивает ничьего опыта, но гармонично уравнивает восприятие смысла психологически близких тебе и неблизких, случившихся «с кем-то, где-то и когда-то» событий.

И тут пророческими становятся понимание неразрывности («времена глаголов вечны», «Станет родиной над разлукой / Горько-русская эта речь»), центростремительная сила смыслов.

В стихотворении «Ностальгия» все было сказано заранее, задолго до отъезда за границу:

Оттенки тишины важны для понимания. «И времени не слышно... Лишь объем / Мерцающей зимы... И разговор вдвоем. / И странный счет минут, бесцельный и напрасный.../ И дальний лай собак... и леность легких снов». Мир до гулко-го удивления просторен изнутри, когда рядом тот, кто занят творчеством, и на твоих глазах возникает именно то, что ты хотел бы создать сам:

*Есть мастерские — в них легко молчать,
Есть тишина — синоним «пониманью»,
Есть удивление, точнее узнаванье
Себя в другом,
Есть просто крепкий чай
И за окном мелодия вползвука
О чем-то нынешнем...*

Проводник ритмичного пульса значимых вещей, в которые верил и которые высветил через кристалл провинциального времени, поэт не принял странную свободу «писать стихи темно и наугад». Он видел чуточку дальше туманной полосы.

Времена ненастоящей свободы приходят и уходят, но если ты думал и жил искренне, листы с пометами вчерашних дум не зачадят, как прелея листва. Стихотворение об этом стало идеей сборника «Две тетради черновиков» (2012).

*Времен безвременья собрав черновики,
Среди случайных фраз
и торопливой правки,
Резонам умников и смыслу вопреки
Я уловил мгновенный привкус правды.*

*Быть может, был он чуть солоноват,
Косноязычен, чуть смешон,
быть может...
Сквер опустел. Грозился мелкий дождик.
На убыль осень шла...
Кто в этом виноват?*

*Костры и дворники на свой особый лад
Определяли это время года.
И наступала странная свобода —
Писать стихи темно и наугад.*

*Но надо же... Собрав черновики,
Я не исправил ни одной строки,
Не обозначил время именами...
Что именам и призракам пенять?
Уже дождит... И чудится опять,
Безвременье совсем не за горами*

[10, с. 13].

Мгновенный привкус правды — не он ли отличает качественную поэзию как сущностное свойство, свойство провиденциальное, а не «провинциальное»? Провинция, в отличие от столиц, более природным образом отвечает всему, что легло на душу, что перешло в народ, стало не поветриями, а поверьями. Интуитивно будучи срединным человеком родной культуры, Аркадий Слуцкий пронес сквозь перипетии литературного процесса, сохранил нечто очень важное. Шестьдесят лет, дистанцию поистине олимпийского марафона, он прошел достойно — взгляд вверх помогал не споткнуться на обломках под ногами.

Elena Yu. TRETAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
drevo_rechi@mail.ru

“I Caught the Instant Hint of Truth”: About the Poetry of Arkady Slutsky

Abstract. The aim of the article is to comprehend the scientific worldview and career of Arkady Slutsky (1940–2019), a scholar, book historian, poet and teacher who left a bright mark in the history of the artistic life of the South of Russia. The research methodology is based on a historical and biographical approach, through which the influence of life circumstances on the worldview, attitudes, creative and professional achievements of the person studied is revealed. The materials were poetry

collections and research articles by Slutsky, research by historians and cultural scientists. Among the collections of lyrics and translations published in 1995–2012, the key ones were *Intersections* (1995), *Conceptual Apologies* (2000), *Selected and Penultimate Poems* (2002), *The Time of Vers Libre* (2005), *While I Am a Wanderer* (2008), *From the Ukrainian Poetry of the 20th Century* (2011). During the study, the biographical context of the main poetic cycles (Voronezh poems, “provincial sketches”, dedication verses to friends, “diachronic business trips to the capital”, etc.) and the genre-style palette of lyrics by Slutsky are determined. Treating the palette as a revealing and outstanding phenomenon, the author of the article substantiates her version of the approach to the poetic world created by Slutsky. This version takes into account the nature of his relationship with his predecessors (poets of the Silver Age), the features of dialogue with fellow poets, versatile interactions with fellow artists, and Slutsky’s understanding of sound and silence. The poet’s work is considered in close connection with the events of his life, as well as with the features that distinguished the dynamics of the literary process in the Russian province of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. As a result of the study, Slutsky’s concept of cultural interactions between the capital and the province was analyzed. Based on the poet’s statements about this concept, as well as its stable manifestations in poetic texts, by analyzing the relevant keynotes, the author concludes that high-quality poetry is distinguished by an “instant hint of truth”. This trait is an essential property of poetry, a providential property, not a provincial one. The article proves that the “crystal of provincial time” as a poetic seed of artistic generalizations allowed Slutsky, a charming and vibrant person, to educate in himself, to capture in his poetic world the qualities of a person of his native culture.

Keywords: modern literary process, capital and province, Kuban literature, biography, poetic works, Arkady Slutsky, history of book publishing in South of Russia, artistic life of Krasnodar.

Использованная литература:

1. Генис А. А. Иван Петрович умер: статьи и расследования. М.: Новое литературное обозрение, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://finbahn.com/генис-иван-петрович-умер> (дата обращения 04.02.2020).
2. Еремеева А. Н. Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар: Кубанькино, 2006.
3. Самойлов Д. С. Весть. М.: Советский писатель, 1978. С. 64.
4. Слуцкий А. И. Биография одной коллекции (материалы к истории кубанского экслибриса) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 2. С. 127–42. URL: http://old.heritage-magazine.com//wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
5. Слуцкий А. И. Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 2. С. 44–54. URL: http://old.heritage-magazine.com//wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
6. Слуцкий А. И. Время верлибра: стихи. Краснодар: Краснодарские известия, 2005.
7. Слуцкий А. И. Две тетради черновиков: стихотворения и переводы. Краснодар: б. и., 2012.
8. Слуцкий А. И. Из украинской поэзии XX века: избранные переводы и переложения. Краснодар: Альфа-полиграф плюс, 2011.

References:

1. Genis, A.A. (1999) *Ivan Petrovich umer: stat'i i rassledovaniya* [Ivan Petrovich Died: Articles and Investigations]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. [Online] Available from: <http://finbahn.com/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81-%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D1%83%D0%BC%D0%B5%D1%80/>. (Accessed: 04.02.2020).
2. Eremeeva, A.N. (2006) *Nauchnaya zhizn' i nauchnoe soobshchestvo Kubani v XX veke: ocherki istorii* [Scientific Life and Scientific Community of Kuban in the 20th Century: Essays on History]. Krasnodar: Kuban'kino.
3. Samoylov, D.S. (1978) *Vest': stikhi* [News: Poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Slutsky, A.I. (2015) The Biography of a Collection (The Materials for the History of the Kuban Bookplates). *Nasledie Vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp.127–142. [Online] Available from: http://old.heritage-magazine.com//wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Slutsky.pdf. (Accessed: 04.02.2020). (In Russian).
5. Slutsky, A.I. (2016) The Great Patriotic War through the Documents from the Artist Alexander Glukhovtsev's Archive. *Nasledie Vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 44–54. [Online] Available from: http://old.heritage-magazine.com//wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf. (Accessed: 04.02.2020).
6. Slutsky, A.I. (2005) *Vremya verlibra: stikhi* [The Time of Vers Libre: Poems]. Krasnodar: Krasnodarskie izvestiya.

9. Слуцкий А. И. Концептуальные апологии: стихи. М.: Руслан Элинин, 2000.
10. Слуцкий А. И. Пересечения: стихи. Краснодар: Северный Кавказ, 1995.
11. Слуцкий А. И. Пока я странник: стихи. Краснодар: Кубань-книга, 2008.
12. Среди текстов: сборник трудов, посвященный 65-летию А. И. Слуцкого / отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар: Краснодарский государственный ун-т культуры и искусств, 2006.
13. Топоров В. В поисках зачеркнутого времени // Знамя. 2000. № 2. С. 193–195.
14. Ушел из жизни кубанский поэт Аркадий Слуцкий [Электронный ресурс] URL: <https://kuban.mk.ru/culture/2020/01/14/ushel-iz-zhizni-kubanskiy-poet-arkadiy-sluckiy.html> (дата обращения 04.02.2020).
15. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988.
7. Slutsky, A.I. (2012) *Dve tetradi chernovikov: stikhotvoreniya i perevody* [Two Draft Notebooks: Poems and Translations]. Krasnodar: [s.n.].
8. Slutsky, A.I. (2011) *Iz ukrainskoy poezii XX veka: izbrannyye perevody i perelozheniya* [From the Ukrainian Poetry of the 20th Century: Selected Translations and Versions]. Krasnodar: Al'fa-poligraf plyus.
9. Slutsky, A.I. (2000) *Kontseptual'nye apologii: stikhi* [Conceptual Apologies: Poems]. Krasnodar: Ruslan Elinin.
10. Slutsky, A.I. (1995) *Peresecheniya: stikhi* [Intersections: Verses]. Krasnodar: Severnyy Kavkaz.
11. Slutsky, A.I. (2008) *Poka ya strannik: stikhi* [While I Am a Wanderer: Poems]. Krasnodar: Kuban'-kniga.
12. Eremeeva, A.N. (ed.) (2006) *Sredi tekstov: sbornik trudov, posvyashchenny 65-letiyu A.I. Slutskogo* [Among the Texts: A Collection of Works Dedicated to the 65th Anniversary of A.I. Slutsky]. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts.
13. Toporov, V. (2000) V Poiskakh zacherknutogo vremeni [In Search of the Crossed-Out Time]. *Znamya*. 2. pp. 193–195.
14. Kuban MK. (2020) *Ushel iz zhizni kubanskiy poet Arkadiy Slutskiy* [Kuban poet Arkady Slutsky passed away] [Online] Available from: <https://kuban.mk.ru/culture/2020/01/14/ushel-iz-zhizni-kubanskiy-poet-arkadiy-sluckiy.html>. (Accessed: 04.02.2020).
15. Epshteyn, M.N. (1988) *Paradoksy novizny* [Paradoxes of Novelty]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Третьякова, Е. Ю. «Я уловил мгновенный привкус правды»: о поэзии Аркадия Слуцкого / Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 64–75. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005

Full bibliographic reference to the article:

Tretyakova, E. Yu. (2020) "I Caught the Instant Hint of Truth": About the Poetry of Arkady Slutsky. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 64–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.005